

УДК 141.333

DOI: 10.37482/2687-1505-V136

*СКИДАН Ольга Петровна, кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск). Автор 29 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8844-8322>

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИУМА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

На основе анализа документированных решений и практики цифровой трансформации в современной России (в т. ч. в Архангельской области) показаны общая логика процесса информатизации, ее темп и масштаб. Охватывая сферы экономики, социальной жизни, государственного управления, цифровая трансформация преобразует социальное пространство, актуализирует и заостряет антропологические проблемы. Предлагается обратить внимание на следующие вопросы. Какое место остается человеку в стремительно меняющемся мире? Что может быть противопоставлено деформации бытийных измерений личности? Какие усилия и в каком направлении следует предпринять для сохранения человеческой природы (человечности) самого человека? Какова роль государства, культуры, религии в решении антропологических проблем – что они могут предложить в качестве инструментария для их решения? Анализ показывает, что настало время предпринимать сознательные шаги в поиске ответов и решений. Традиционная гуманитарная парадигма определяет человека в качестве критерия истины, открывая путь борьбы интересов, политизации всех сфер деятельности, власти силы. Об ограниченности этой парадигмы философы активно говорят на протяжении последнего столетия, т. к. сложившийся новоевропейский подход демонстрирует реальность «смерти человека». Автор предлагает обратиться к мысли о достижении духовной зрелости человека, к идее его преобразования и совершенствования. На ней стоит тысячелетняя русская православная культура, и русские философы не зря фокусировали на ней внимание. Базирующаяся на ценностях, сформировавших архетип русского народа, идея внутреннего (и в первую очередь – нравственного) преобразования человека обладает огромным потенциалом, хотя на сегодня недостаточно понята и востребована. Осмысление данной идеи в рамках триады «национальное государство – культура – религия» и ее реализация могли бы принести несомненную пользу, став компенсаторным механизмом для решения антропологических проблем цифровой трансформации социума.

Ключевые слова: *цифровая трансформация, управленческие решения, социум, государство, культура, личность, антропологические проблемы современного общества, духовное преобразование человека.*

*Адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 1; e-mail: o.skidan@narfu.ru

Для цитирования: Скидан О.П. Антропологические аспекты цифровой трансформации социума: постановка проблемы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 5. С. 105–117. DOI: 10.37482/2687-1505-V136

Процессы цифровой трансформации всех сфер жизнедеятельности сегодня являются предметом активного интереса ученых-гуманитариев. Исследование природы и социальных смыслов происходящих изменений, выработка методологических подходов к их анализу, оценка и поиск путей преодоления вызовов и угроз, прогнозирование последствий внедрения ИТ на разных уровнях социальной организации, создание моделей развития сетевого общества – все эти и многие другие аспекты изучения информационного общества находятся в поле зрения социологов, философов, лингвистов, культурологов. Их работы демонстрируют, что феномен информатизации – это многомерный и многовекторный процесс, приводящий к разноплановым трансформационным эффектам. Новые технологии, внедренные в экономические процессы, способствуют повышению эффективности развития рынка; цифровизация государственного управления приводит к созданию иных способов взаимодействия граждан и власти, формированию более прозрачной и открытой политической системы; человек получает доступ к большим массивам информации благодаря включенности в виртуальное пространство, что открывает новые возможности образовательного и культурного характера. Однако это лишь одна из сторон процесса цифровизации. Мы предлагаем обратить внимание на антропологические риски, которые являются второй стороной медали и глубоко затрагивают бытийное ядро человека. Анализ влияния внедрения «цифры» в том формате, в котором оно осуществляется сегодня, будет предпринят с целью показать, что вопрос о сохранении человеческой природы необходимо ставить сегодня со всей серьезностью: цифровая трансформация социума требует проведения «красных линий», нивелирующих возможность на практике необратимо деформировать экзистенциальное пространство человеческого бытия, вынести человечность за пределы самого человека, лишить его способности к пониманию себя и мира, способности к трансцендированию и свободы.

Философско-антропологический анализ процесса цифровой трансформации стоит начать, на наш взгляд, с обращения к управленческим решениям и реалиям, показывающим динамику и масштаб процесса информатизации, стремительно и глубоко изменяющего нашу жизнь. Этот контекст позволит правильно расставить акценты при обсуждении факторов и тенденций, которые складываются в условиях активного преобразования способов социального взаимодействия и характеризуют новое понимание мира и человека, будучи уже укоренены или некоторым образом присутствуя в общественном и личном бытии.

Какова логика развития в нашей стране отрасли информационных технологий? В России соответствующая стратегия на перспективу до 2025 года была принята в 2013 году. Она давала оценку состояния сферы ИТ, выделяла общемировые тренды и описывала направления работы, значительная часть которой к настоящему времени нашла воплощение в документированных решениях и в практике. При этом базовые принципы и цели стратегии определялись преимущественно в экономическом разрезе. Например, речь шла об улучшении институциональных условий при минимальном государственном регулировании, о сохранении конкурентного характера развития, о статусе предприятий, рабочих местах, добавленной стоимости. В числе основных целей стратегии выделялись следующие: «...развитие сферы информационных технологий до полноценной отрасли российской экономики, создающей высокопроизводительные рабочие места и обеспечивающей выпуск высокотехнологичной и конкурентоспособной продукции; обеспечение различных сфер экономики качественными информационными технологиями с целью повышения производительности труда; обеспечение высокого уровня информационной безопасности государства, индустрии и граждан» [1, с. 19]. Правовыми актами, определяющими общие подходы к цифровой трансформации, стали также указы и поручения Президента 2017–2020 годов. В рамках работы в этом

направлении в 2019 году президиумом Совета по стратегическому развитию и национальным проектам принята национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации».

Деятельность, организованная в рамках этих документов, была развернута по достаточно широкому спектру направлений. В 2020 году около 48 % госкомпаний и компаний с государственным участием приняли стратегии цифрового развития, определив приоритеты: перевод в «цифру» бизнес-процессов, менеджмент на основе данных, управление ценностью продуктов и услуг. Средний уровень цифровизации процессов по всем отраслям составил 54 %, до 85 % крупнейших компаний использовали решения с искусственным интеллектом [2]. Кроме сферы информационных технологий, лидерами цифровой трансформации являются банки и финансовые организации, сферы страхования и телекоммуникационных услуг, жилищно-коммунального хозяйства, нефтегазовая отрасль. Роботизация и технологии искусственного интеллекта активно внедряются в сельское хозяйство, промышленность, транспорт, логистику [2]. Нормативно-правовая база, соответственно, требует быстрого отклика на формирующиеся вызовы, а управленческие решения на государственном уровне приходится принимать в активном режиме, буквально улавливая формирующиеся тенденции и технологические тренды, учитывая реальную обстановку [3]. Один из принципиальных моментов – *видение полноты происходящих трансформаций*, так что говорить только об экономическом измерении уже не приходится.

В настоящее время в субъектах Российской Федерации завершена полномасштабная работа по подготовке региональных стратегий цифровой трансформации *ключевых отраслей экономики, социальной сферы, государственного управления* (они должны были быть утверждены до 1 сентября 2021 года). Однако деятельность в данной области началась гораздо раньше: в некоторых субъектах Российской Федерации пилотные проекты завершились еще в 2020 году. 26 февраля 2021 года председатель Правительства Российской Федерации Михаил

Мишустин утвердил Концепцию цифровой и функциональной трансформации социальной сферы [4]. Как отмечает эксперт Управления методологического сопровождения работы с данными Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации Юрий Азаров, цифровая трансформация государственной власти «готова совершить качественный скачок» [2]. К анализу закладываемых принципов и механизмов мы далее и обратимся.

Интенсивность работы в сфере цифровой трансформации обусловлена необходимостью обеспечить технологическую независимость государства. *Скорость проникновения информационных технологий в нашу жизнь* становится определяющим фактором лидерства по многим ключевым направлениям – от экономического и военного до политического и социального. В решении задачи обеспечения устойчивого эффективного развития страны этот процесс начинает играть ключевую роль – в большой степени от него зависит конкурентоспособность государственных институтов как во внешнем, так и во внутреннем контуре.

Необходимость обеспечения цифрового суверенитета, предупреждения и предотвращения глобальных информационных угроз требует создания отечественных санкционно-устойчивых продуктов (аппаратно-программных комплексов и программного обеспечения) и распространения российских платформенных решений в области безопасности на дружественном пространстве, повышения степени технологической и образовательной интеграции.

Управленческие решения базируются на принципах, учитывающих, что процесс цифровой трансформации должен давать интегративный эффект для всех сфер жизнедеятельности людей. И в качестве приоритетного принципа отмечается реализация интересов и потребностей граждан, общества, государства, бизнеса, для чего вся деятельность должна стать открытой и прозрачной, способствующей установлению взаимного понимания, в сложных вопросах открывающей путь к конструктивному диалогу и согласию: термин «доверие»

все чаще звучит с высоких трибун и трактуется как ключевой фактор достижения стратегических целей социально-экономического и политического развития государства. Поэтому в качестве одного из базовых принципов информатизации общества декларируется «клиентоцентричность» – ориентация на конечных пользователей и вовлечение их в процесс разработки сервисов и услуг.

Это идейные основы. Конкретика начинается там, где при формировании пакета предложений по внедрению «цифры» выделяется несколько самых широких технологических тенденций: массовое использование Интернета (даже среди россиян старше 55 лет хотя бы раз в месяц пользуются этой сетью 49,7 % лиц!); использование больших данных и технологий их анализа; внедрение систем искусственного интеллекта; распространение цифровых платформенных решений, благодаря которым пользователь имеет возможность получать услуги круглосуточно и вне географических границ; реализация *системных* проектов типа «Умный город», «Умный транспорт», «Умный дом» и т. п. Под них формируется современная техническая инфраструктура: прокладывается оптоволокно, создаются программные комплексы, интегрированные с интеллектуальными системами, открываются центры обработки данных, навигационно-информационные центры, службы диспетчерского обеспечения, автоматизированные системы контроля, например экологической, радиационной, химической обстановки, мониторинга эпидемиологической обстановки и т. д.

Степень реализации всех этих начинаний различается в разных регионах, но это *реальность*, а не задачи на будущее. Например, по информации, представленной на сайте правительства Архангельской области, в регионе идет внедрение интеллектуальной транспортной системы с единой платформой управления: к системе мониторинга по состоянию на май 2021 года подключены 371 автобус, 310 автомобилей скорой помощи, 157 школьных автобусов, 125 пожарных машин, 106 автомобилей

лесничеств. Система видеонаблюдения за объектами капитального строительства уже сегодня позволяет осуществлять контроль за ходом работ в режиме онлайн на удаленных территориях области. К концу 2021 года планируется подключить более 3000 видеодомофонов с возможностью распознавания лиц (по состоянию на май 2021 года их подключено 2840). Они входят в систему «Умный двор», которая, в свою очередь, интегрирована с комплексом «Безопасный город». В многофункциональных центрах столицы Поморья организовано предоставление 411 услуг, уровень удовлетворенности граждан качеством их предоставления составляет 99,87 %. Реализуются проекты «Единая карта жителя Архангельской области», «Цифровое государственное управление», нарастающими темпами идет информатизация социальной сферы.

В различных регионах принимаемые стратегии цифровой трансформации ключевых отраслей экономики, социальной сферы, государственного управления коррелируют по целям – это повышение эффективности деятельности органов государственной власти для ускорения экономического роста, формирования общества знаний и улучшения качества жизни людей. Для реализации этих целей создается единое информационно-технологическое пространство, ставятся задачи и создаются условия для подготовки соответствующих кадров, решаются вопросы обеспечения информационной безопасности.

Все вышесказанное демонстрирует *темпы и масштаб* цифровой трансформации социума. При этом возрастает озабоченность антропологическим статусом происходящих процессов. *Остается ли в новом формате жизни место самому человеку? Какие сознательные усилия и кому следует предпринимать в складывающихся условиях для сохранения его человеческой природы?*

Гуманитарная экология человека (речь идет о сохранении человечности в человеке, в отличие от медицинской экологии человека, рассматривающей тему сохранения его физического и психического здоровья) становится насущной темой не только для исследователей,

но и для политиков, чиновников, что уже не вызывает сомнений. Не так давно философы фиксировали несоразмерность нашей природе новоевропейских представлений о бесконечном пространстве, которые, в общем-то, не очень сильно вторгались в жизнь отдельного человека, а научно-технический прогресс в рамках одного поколения был вполне адекватен темпу адаптации к нему. При этом гуманитарии были всерьез озабочены последствиями в виде изменения экзистенциальных основ бытия. Виртуальная реальность вмешивается в социальное и личное бытие гораздо существенней, риски трансформации человеческой природы выше.

Характер и силу изменения архитектоники социального пространства с помощью цифровых технологий нам продемонстрировали, например, США во время последних выборов, когда социальные сети фактически лишили президента Трампа легитимных возможностей проведения избирательной кампании. Мир воочию увидел способ, которым корпорации (банковские и IT, в первую очередь) пытаются перехватить власть и сформировать ее новый тип: не выбираемую, не контролируемую, обезличенную (не к кому предъявить вопросы, не с кого спросить и некого наказать за противоправные действия). Наднациональная юрисдикция и полнота делают такого рода власть абсолютной, а народ – бесправным. При этом управленческий инструментарий также претерпевает кардинальные изменения: современные цифровые технологии позволяют лишить личного пространства конкретного человека, допуская полное отслеживание не только его действий, но и мыслей, а также с помощью обработки больших данных создавать «коллективные портреты» целых стран и народов, прорабатывать механизмы влияния, манипуляции очень целенаправленно, с тонкой настройкой.

Гуманитарное сообщество на протяжении последнего времени активно изучало различные аспекты происходящих социальных трансформаций. Уже Э. Тоффлер и П. Дракер, Д. Белл и Й. Масуда описывали глобальное информационное общество, фиксировали возможность

самоорганизации компьютерных сетей как системы, независимой от человека, вели речь об особенностях общества, основанного на знаниях, и ставили вопрос о соответствующих изменениях социального взаимодействия, модификации культурных ценностей [5–8].

Анализ новой реальности, создаваемой информационными сетями, выявление ее ключевых признаков, характеристика влияния на ментальные и ценностно-смысловые ориентации предприняты в ставших уже классическими работах Д. Тапскотта, М. Кастельса [9, 10]. Анализ стратегического направления социальной эволюции развитых стран позволил Тапскотту выделить 12 главных признаков нового общества, центральными из которых являются ориентация на знания, цифровая форма представления информации, инновационный характер, интеграция, устранение посредников, глобализация и динамизм. Субъекты этого общества – эффективный специалист, компетентный, быстро ориентирующийся в виртуальном информационном пространстве, и высокопроизводительный коллектив. Кастельс обращает внимание на сетевой статус социума нового типа, описывает его структуры как открытые и динамические с преимущественно горизонтальными связями, обеспечивающими устойчивость и пониженный уровень управления. Это новая онтология, в которой, по его мнению, символические и семантические параметры приобретают большую значимость по сравнению с физическим материальным миром. Информационная и экономическая глобализация создают принципиально новое пространство социального бытия, размывание жизненного цикла и социальная аритмия свидетельствуют о внетемпоральности нового мира: время порождается пространством потоков. Какой же антропологический вектор задают эти новые фундаментальные характеристики? Тапскотт сразу отмечает, что открытость делает возможным несанкционированное проникновение в частную жизнь граждан, ограничение личных свобод, но более глубокая и неочевидная опасность заключается в том влиянии на человека,

которое окажет расслоение общества, разрыв «его социальной ткани». Он говорит о необходимости повышения ответственности деловой элиты и власти перед человечеством. Вот только вопрос, на каком основании она возникнет, остается без ответа. Пока мы видим лишь усиливающуюся монополизацию СМИ, обостряющую указанные противоречия, а не снимающую их. Реальность идет не по идеальному пути, поэтому речь о проблемах человека в информационную эпоху и приходится вести. Практически все исследователи сетевого общества подчеркивают запрос на здорового, умного и образованного человека. Смысл запроса, однако, по существу не антропологический – это попытка в духе К. Швабе и Ж.-Л. Нанси объективировать необъективируемое, снять противоречие между человеком и техникой.

Мы предлагаем изменить ракурс видения данного вопроса, углубить важный для нашего исследования тезис: проблемы общественного бытия – от углубления дифференциации общества, манипулирования массовым сознанием до «размывания» национальных государств – имеют сугубо антропологические последствия, далеко не все из которых позитивны, и противостоять техногенному давлению может исключительно «нерасчеловеченный человек», духовно зрелая личность. Вытеснение физического труда, чрезмерная интеллектуальная и психологическая нагрузка, изматывающий темп жизни приводят к тому, что самоощущение человека становится кардинально неудобным. Казалось бы, безобидное словосочетание «человеческий капитал» оказывается безусловно довлеющим в формировании образа мира и себя. Здесь речь идет уже не только об обезличивании, на которое указывали в связи с развитием техники философы XX века, – здесь возвращается экономическая парадигма восприятия и самовосприятия человека: то рабское состояние, в котором оказался человек в эпоху бурного развития машинного производства и от которого пытался уйти, высвобождая время от непосильного труда и формируя человеческие условия быта и жизни, снова определяет

систему координат, в которую попадает человек: он – ресурс для решения «более важных» проблем глобальной экономики и политики. Возрастание сложности и неопределенности жизни [11], формирование ощущения оторванности от реальности, энергетической неполноты внутреннего мира и внешней среды отнюдь не добавляют физического и психического здоровья человеку, ослабляют и делают неустойчивыми его мировоззренческие основы. В этом состоянии экзистенциальный кризис грозит стать не просто разрушающим фактором личного бытия индивида, но порождающим неадекватность его социального поведения, как мы это видим сегодня пока в единичных случаях (стрельба в школах, например). В киберпространстве появились новые злоупотребления: от использования чужой информации до атак через мобильные устройства, приложения дистанционного банковского обслуживания и платежные системы. Кроме того, остро встала проблема зависимостей: «...усилившаяся информационная зависимость формирует особые потребности, без которых многие люди уже не представляют своего существования и в итоге постоянно платят компаниям за возможность ежедневно пользоваться достижениями цифровых технологий» [12]. Антропологический эффект цифровой трансформации общества в его сложившейся динамике, таким образом, далеко не столь позитивен, как технологический, проблему надо ставить и решать в иной парадигме.

Могут ли какие-то механизмы, продвигаемые сегодня государством, общественными институтами, культурой, служить противовесом тотальному погружению в бессмысленность, страхи одиночества, потери работы («Продолжение цифровизации и формирование цифровых олигополий лишит работы сотни миллионов людей, занятых в малом и среднем бизнесе по всему миру. Цифровая трансформация еще больше усилит мировое неравенство» [12]), лишения личного пространства и другим захватывающим человека в свою воронку отрицательным экзистенциальным формам? Попробуем провести аналогию на основании

терминологической параллели «информационный поток» – «воздушный поток». Любой инженер может рассказать о важности конструктивных особенностей крыла для нормального взлета самолета. Даже небольшое изменение профиля крыла означает изменение характера его обтекания, что существенно влияет на параметры полета. Если же при управлении пилот превысит угол атаки на недопустимую величину, самолет рискует разбиться при взлете. Поток воздуха может оказаться разрушительным, и поэтому в нелетную погоду воздушные суда не выпускают в рейс. Но в более или менее стандартных условиях не столько от потока, сколько от конструкции самолета и управления им зависит безопасность полета. Аналогично, человек и общество должны оказаться готовы к встрече с цифровой реальностью. Каким образом? Пониманием ценности и целостности своего бытия, готовностью к самоограничению, управлению собой. Мера в развитии и внедрении цифровых технологий должна соблюдаться: как и любой инструмент, их можно обратить во зло или во благо, и это уже дело нашей мудрости и ответственности. *Духовный и интеллектуальный уровень развития человека – это существенный момент и фактор бытия современного мира.*

Или возьмем другой пример, тоже весьма характерный. В условиях пандемии образование почти повсеместно перешло в дистанционный формат, далее эта тенденция только набирает обороты и преподносится как естественный ход событий – такова логика развития цифровизации, которая в особой сложившейся ситуации только получила дополнительный импульс. Создаваемые условия для повышения уровня образования, равный доступ к ресурсам для большого числа обучающихся – это безусловные плюсы. Но личное общение с преподавателем, который отнюдь не только передает информацию, но и учит способам ее осмысления, ее оценке и обработке, обладает несомненным достоинством, которое при переносе обучения в формат презентаций с комментариями исчезает. Человек не будет лучшим хранителем

большого объема сведений, чем компьютер, его преимущество и задача в другом – в умной, творческой переработке, а при отсутствии взаимодействия с настоящим носителем такого умения возможность научиться извлекать из информации смысл многократно снижается. Кроме того, сама установка на обладание информацией и умение ориентироваться в ней, реализуемая в современных методах подачи и контроля знаний, тоже не о том, не о главном, что при снижении роли гуманитарного образования может оказаться критичным. Деинтеллектуализация социальной среды становится фактом нашей жизни. Быть успешным в системе образования сегодня означает вырваться за рамки усредненного стандарта, не попасть под общий знаменатель общего когнитивного регресса. Но этого мало – образ студента, молодого ученого современного уровня включает в себя высокий интеллектуальный потенциал, прагматичность и эффективность, творчество. Внутренняя свобода, способность к усилию и даже мужеству в достижении цели, как и ориентация на труд, терпеливое движение к результату, – это качества личности, которые где-то и каким-то образом должны быть сформированы и которые по значимости не уступают междисциплинарной образованности, цифровой грамотности и коммуникативной компетентности. Только масштабная, сильная, творческая личность найдет себе место в новой технологической реальности.

Что касается воспитания, то негативные результаты цифровизации очевидны даже на первый взгляд: тенденция атомизации общества для молодых совсем не безобидна, разлом социального бытия может оказаться невосполнимым никакими средствами – снижение уровня личного общения, заменяемого виртуальными контактами в соцсетях, ставит проблему овладения *реальными социальными навыками* в школьном возрасте, проблему знакомства и общения с целью создания семьи для юных. Виртуальные связи через гаджеты более поверхностны и имеют другую материальную и энергетическую основу, нежели реальные род-

ственные, дружеские, духовные отношения. И это если оставить в стороне вопросы содержания информации, которая льется потоком на молодежь, размывая ценности и культурные ориентиры. Чем компенсируются издержки?

Совсем не случайно наряду со стратегиями цифровой трансформации сегодня государственная власть принимает программу «Новой социальной инициативы», разрабатывает способы, «поддерживающие на плаву» человеческую природу и ориентированные на *развитие личности*.

На совместном заседании Президиума Госсовета и Агентства стратегических инициатив 15 апреля 2021 года президент России В.В. Путин отметил, что в своей деятельности необходимо придерживаться «ключевого принципа – строить всю работу вокруг человека» [13]. Для реализации этого принципа были предложены конкретные модели, большинство из которых уже прошли апробацию в отдельных регионах и показали результаты. Например, речь шла об изменении подхода к оказанию социальных услуг: трудоемкий по сбору справок и хождению по инстанциям путь разрозненных мероприятий социальной поддержки будет в ближайшее время заменен иным, основанным на решении сразу всего комплекса проблем, связанных с конкретной жизненной ситуацией. Таких ситуаций, с которыми ежедневно сталкивается огромное число граждан страны, выбрано 10: поиск работы, получение пособия на ребенка, уход за пожилым человеком, присмотр и уход за ребенком дошкольного возраста, получение общего образования, запись ребёнка в кружки и секции, получение амбулаторной, стационарной и высокотехнологичной медицинской помощи, технических средств реабилитации. В Нижегородской, Ивановской областях, Москве были проведены исследования пути, который проходит человек, решая для себя и своих близких вышеприведенные проблемы. Схема долгая, выматывающая, неконструктивная. По итогам анализа было предложено 115 решений, позволяющих как делегировать часть работы специалистам, так и снизить

уровень бюрократии в конкретных случаях, в т. ч. благодаря развитию и внедрению новых цифровых технологий. Лучшие практики регионов, уже показавшие свою эффективность, найдут воплощение в управленческих решениях субъектов Российской Федерации и будут способствовать повышению качества жизни.

Однако стоит заметить, что обсуждением направлений деятельности, методологии и методик на заседании не ограничились: было выступление, раскрывающее именно антропологический ракурс проблемы. Учредитель фондов «Вера» и «Регион заботы» Нюта Федермессер обратила внимание, что даже при получении в полном объеме социальной помощи человек может не заметить повышения качества своей жизни, и это связано не с материальными вопросами, а с тем, что он может получить эту помощь не вовремя или получить, испытывая унижение: «Но вообще-то людям не нужна трость, планшет и слуховой аппарат, им нужно слышать, видеть, работать, иметь семью, им нужно иметь возможность реализовывать себя, им нужно удовлетворять все те потребности, которые у каждого из нас есть» [13]. Кроме того, большая проблема состоит в чисто количественном подходе (издержки цифровизации): «Система показателей и отчетности выстроена таким образом, что руководители учреждений, а я одновременно являюсь руководителем бюджетного учреждения в Москве, – мы работаем на государственные задания, на такие показатели, как оборот койки, койко-день. Это все не про человека. У нас, по сути, нет показателей, которые позволили бы мне как директору видеть, что я клиентоориентированна, пациентоориентированна и для меня пациент в центре находится» [13]. В выступлении речь идет о человеческой боли, радости, отношении к людям, уверенности, оптимизме, улыбке – сама терминология уже актуализирует тему внутреннего состояния человека, его бытийных измерений, и это свидетельство того, что цивилизационный прогресс, в т. ч. цифровизация, проблематизируется на уровне действующих акторов социальных процессов, а не в академической среде.

Можно направить решение этих вопросов в русло гуманизма, спроецированного в принцип клиентоцентричности, на котором настаивает президент и который благодаря ему начал реализовываться. Он действительно важен. Но философы давно (считается, что со времен Ф. Ницше, но не о том ли и протест Сократа по отношению к тезису Протагора о человеке как мере существования вещей?) пишут об его ограниченности. Однако до сих пор приходится бить в колокола, чтобы в общественном сознании понимание этой ограниченности было. Парадигма гуманизма не оправдывает себя как минимум по той причине, что человек, как последний критерий истины, подстраивает ее под себя, истина колеблется в зависимости от того, насколько успешно он (та или иная группа людей) ее отстаивает: сегодняшней диктат ценностей меньшинства на Западе тому свидетельство. Да и общая логика гуманистической парадигмы, в русле которой *смерть Бога* привела к *смерти человека* – тоже о том [14, 15]. И обычная житейская мудрость говорит нам, что ориентироваться на человека не всегда полезно, сам принцип в пределе выворачивается наизнанку: семья, в которой ребенок в центре, – неправильная семья, она породит в лучшем случае эгоиста, а в худшем – революционера. Люди по природе и воспитанию обладают как созидательным потенциалом, так и разрушительным, и от того, какая сила в человеке преобладает, зависит слишком многое. Да, несомненно, нельзя повторять опыт Спарты, сбрасывающей инвалидов со скалы, но нельзя и носить на руках преступников и палачей. *Вопрос меры цифровой трансформации предполагает антропологические критерии, и они должны быть выстроены и приняты.* Последнее должно обеспечить корреляцию с внутренним архетипом человека, ценностными ориентирами, смыслами историческими и актуальными. В нашем случае – русского человека.

Дальше можно было бы порассуждать об общинном укладе традиционной крестьянской жизни, в котором концепты правды и справедливости, милосердия и братства играли

ключевую роль, но, избегая критики по поводу возможности их актуализации сегодня, мы не будем этого делать. Настаивать же на принятии парадигмы *преображения человека* вместо укоренившейся парадигмы внешнего прогресса, о чем в начале прошлого века подробно писал архиепископ Иларион (Троицкий) [16], как принципа жизнеустройства в нашей стране, на наш взгляд, не только можно, но и необходимо. И речь не о том, чтобы эта идея, на которой уже две с лишним тысячи лет стоит православие, стала идеологией (в конце концов, сильные идеологии, как показывает наша история, не спасали общество от катаклизмов). Будучи главенствующей в личном и общественном сознании, идея преобразования себя как основного смысла жизни могла бы стать конструктивным фактором развития, в рамках которого можно искать и меру цифровой трансформации, и поступать в соответствии с высокими смыслами, а не мелочными интересами, нередко воплощенными в законах, а иногда размывающими мораль в общественных нормах. И тема может стать важной не только для Церкви, но и для государства и культуры. Вопрос не в возвращении к прошлому, а в актуальном прочтении «вечного». Жизненный опыт атеистов или людей другой веры также показывает, что без нравственных оснований, без ориентиров, выходящих за пределы сиюминутных интересов, без радости труда и самосовершенствования происходит разложение самого человека, превращение его в раба своих страстей, подтачивающее общество и превращающее его в чистый объект манипулирования массами. Определенная мудрость была в том, что Моральный кодекс строителя коммунизма основывался на принципах христианской морали. Православный идеал святости находил свое воплощение через культуру, а ценности поддерживались и распространялись государственными структурами. Этого, несомненно, мало, поскольку в православии Церковь является не социальным институтом [17], а реальным механизмом, возвышающим человека над суетой повседневной жизни, поддерживающим его постоянно

в регистре инобытия, помогающим в работе над собой стяжанием Божественной благодати и на основе накопленного опыта духовной жизни. Последний утверждает возможность человека меняться к лучшему и дает для этого проверенный инструментарий. К этому опыту и пути, несомненно, стоит внимательно присмотреться, заняться его исследованием, разработкой, актуализацией – слишком плохо даже, казалось бы, образованные люди в России знают свою веру и ее потенциал. История тысячелетней православной России – это свидетельство возможности той траектории развития, в которой оставлен доступ к пространствам трансцендирования и которая противостоит расчеловечиванию человека на основе технической объективации.

Философское исследование в этом направлении, на наш взгляд, стоило бы начать, обращаясь к идее С.С. Хоружего об «онтологической перезагрузке» [18], учесть его же идеи антропологической границы [19]. Вызванные глубокой озабоченностью «растущим риском человеческого существования», они лежат в русле концепции «другого начала» позднего М. Хайдеггера, а в современной русской традиции развивались еще и В.В. Библихиным [20, 21]. На этой базе далее полезно было бы обратиться к анализу обозначенных проблем цифровизации социальной жизни российского общества. Предлагаемые антропологические модели, сформированные на сегодня в рамках отечественной традиции (Ф. Гиренок,

В. Мартынов, С. Хоружий, С. Смирнов, В. Варава, Ю. Осипов, Н. Ростова), позволяют искать подход к социальным проблемам через утверждение человечности человека, а не вынесение ее во внечеловеческие объекты типа искусственного интеллекта.

Наш вывод будет простым: в стране и мире, построенных по модели бизнес-проекта, говорить о человекоцентричности означает уже смещать центр тяжести в сторону универсальных бытийных измерений (хотя, по большому счету, этого недостаточно), но, чтобы такое смещение не стало всего лишь очередной имитацией, необходимо ставить задачу преобразования самого человека – без противовеса в виде духовной зрелости успехи цифровой трансформации обязательно приведут к серьезным отрицательным антропологическим последствиям. Еще раз подчеркнем: духовный и интеллектуальный уровень развития человека, устойчивость его природы при всей динамике и пластичности ее проявлений – это существенные моменты и факторы бытия современного мира. В данной статье мы ставили задачу обозначения проблемы, которая требует дальнейшей, более детальной и развернутой проработки. Несомненно одно – развитие сетевого сообщества формирует антропологический вызов, для поиска ответа на него необходимо привлечение ученых-исследователей гуманитарного профиля, специализирующихся на антропологической проблематике.

Список литературы

1. Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р. URL: https://digital.gov.ru/common/upload/Strategiya_razvitiya_otrasli_IT_2014-2020_2025.pdf (дата обращения: 21.10.2021).
2. Цифровая трансформация в России: итоги 2020 года и перспективы развития: [материалы круглого стола, организованного Аналитическим центром при Правительстве Российской Федерации и Клубом ИТ-директоров 4СЮ] // Аналит. центр при Правительстве Рос. Федерации. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/cifrova-transformacia-v-rossii-itogi-2020-goda-i-perspektivy-razvitiya-26801> (дата обращения: 21.10.2021).
3. Государственное регулирование в условиях COVID-19. Итоги 2020 года: [доклад Минэкономразвития России 28 декабря 2020]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/49590347e8849692a3169ad8ec78e70d/gos_regulirovanie_v_usloviyah_covid19_itogi_2020.pdf.pdf (дата обращения: 21.10.2021).

4. Концепция цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 20 февраля 2021 г. № 431-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/i2keGFnJGgf832zbAW9tQ7yDDLuEe3Ru.pdf> (дата обращения: 21.10.2021).

5. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 330–342.

6. Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1990. С. 70–71.

7. Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington: World Future Soc., 1983. 171 p.

8. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 784 с.

9. Танскотт Д. Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта. Киев: INT Пресс; М.: Рефл-бук, 1999. 432 с.

10. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 609 с.

11. Щенина О.Г. Антропологическое измерение цифровизации в контексте развития // Политика развития в условиях цифровизации общества: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, Краснодар, 22–23 октября 2020 г. Краснодар: Вика-Принт, 2020. С. 363–366. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44487397&pf=1> (дата обращения: 21.10.2021).

12. Лосев А. Изменились ли горожане внутренне? Цифровые итоги – 2020 // Россия в глобал. политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/izmenilis-li-gorozhane-czifra-2020/> (дата обращения: 21.10.2021).

13. Совместное заседание Президиума Госсовета и Агентства стратегических инициатив. 15 апреля 2021 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65373> (дата обращения: 21.10.2021).

14. Ростова Н.Н. Изгнание Бога. Проблема сакрального в философии человека: моногр. М.: Проспект, 2017. 432 с.

15. Ростова Н.Н. Проблема человека в современной философии: моногр. М.: Проспект, 2021. 176 с.

16. Иларион (Троицкий), архиеп. Вере́йский. Прогресс и преображение. Вступительная лекция-речь, сказанная в академической аудитории 3 сентября 1914 года. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Troitskij/progress-i-preobrazhenie/ (дата обращения: 21.10.2021).

17. Флоренский П. Столп и утверждение истины: опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2003. 640 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskij/stolp-i-utverzhdenie-istiny/ (дата обращения: 21.10.2021).

18. Хоружий С.С. Синергичная антропология: цели, основания, результаты. URL: https://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2015/07/horuzhy_2015_rgu_sa.pdf (дата обращения: 21.10.2021).

19. Хоружий С.С. К антропологической модели третьего тысячелетия // Философия науки и техники. 2002. Т. 8, № 1. С. 108–137. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-antropologicheskoy-modeli-tretiego-tysyacheletiya/viewer> (дата обращения: 21.10.2021).

20. Бибихин В. Другое начало. URL: http://bibikhin.ru/drugoe_nachalo (дата обращения: 21.10.2021).

21. Богатов М. Различие в понимании «Другого начала»: Хайдеггер и Бибихин. URL: http://bibikhin.ru/razlichie_v_ponimanii_drugogo_nachala (дата обращения: 21.10.2021).

References

1. *Development Strategy for the Information Technology Industry in the Russian Federation for 2014–2020 and for the Future up to 2025: Approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 2036-r Dated 1 November 2013*. Available at: https://digital.gov.ru/common/upload/Strategiya_razvitiya_otrasli_IT_2014-2020_2025.pdf (accessed: 21 October 2021) (in Russ.).

2. *Digital Transformation in Russia: Results of 2020 and Development Prospects. Analytical Centre Under the Government of the Russian Federation*. Available at: <https://ac.gov.ru/news/page/cifrovaa-transformacia-v-rossii-itogi-2020-goda-i-perspektivy-razvitiya-26801> (accessed: 21 October 2021) (in Russ.).

3. *Government Regulation in the Context of COVID-19. Results of 2020*. Available at: https://www.economy.gov.ru/material/file/49590347e8849692a3169ad8ec78e70d/gos_regulirovanie_v_usloviyah_covid19_itogi_2020.pdf.pdf (accessed: 21 October 2021) (in Russ.).

4. *The Concept of Digital and Functional Transformation of the Social Sphere Related to the Activity of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation for the Period up to 2025: Approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 431-r Dated 20 February 2021*. Available at: <http://static.government.ru/media/files/i2keGFnJGgf832zbAW9tQ7yDDLuEe3Ru.pdf> (accessed: 21 October 2021) (in Russ.).

5. Bell D. *Sotsial'nye ramki informatsionnogo obshchestva* [The Social Framework of the Information Society]. *Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade* [The New Technocratic Wave in the West]. Moscow, 1986, pp. 330–342.

6. Drucker P. *Postkapitalisticheskoe obshchestvo* [Post-Capitalist Society]. Inozemtsev V.L. (ed.). *Novaya postindustrial'naya volna na Zapade* [The New Post-Industrial Wave in the West]. Moscow, 1990, pp. 70–71.

7. Masuda Y. *The Information Society as Post-Industrial Society*. Washington, 1983. 171 p.

8. Toffler A. *Tret'ya volna* [The Third Wave]. Moscow, 2002. 781 p.

9. Tapscott D. *The Digital Economy: Rethinking Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence*. New York, 1996. 342 p. (Russ. ed.: Tapscott D. *Elektronno-tsifrovoye obshchestvo: Plyusy i minusy epokhi setevogo intellekta*. Kiev, 1999. 432 p.).

10. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow, 2000. 609 p.

11. Shchenina O.G. *Antropologicheskoe izmerenie tsifrovizatsii v kontekste razvitiya* [Anthropological Dimension of Digitalization in the Context of Development]. *Politika razvitiya v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva* [Development Policy in the Context of Digitalization of Society]. Krasnodar, 2020, pp. 363–366. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44487397&pf=1> (accessed: 21 October 2021).

12. Losev A. *Izmenilis' li gorozhane vnutrenne? Tsifrovye itogi – 2020* [Have the Citizens Changed Inwardly? Digital Results – 2020]. *Rossiya v global'noy politike*. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/izmenilis-li-gorozhane-czi-fra-2020/> (accessed: 21 October 2021).

13. *Joint Meeting of the Presidium of the State Council and the Agency for Strategic Initiatives*. 15 April 2020. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/65373> (accessed: 21 October 2021).

14. Rostova N.N. *Izgnanie Boga. Problema sakral'nogo v filosofii cheloveka* [The Expulsion of God. The Problem of the Sacred in Philosophical Anthropology]. Moscow, 2017. 432 p.

15. Rostova N.N. *Problema cheloveka v sovremennoy filosofii* [The Human Problem in Modern Philosophy]. Moscow, 2021. 176 p.

16. Ilarion (Troitskiy), archbishop Vereyskiy. *Progress i preobrazhenie. Vstupitel'naya lektsiya-rech', skazannaya v akademicheskoy auditorii 3 sentyabrya 1914 goda* [Progress and Transformation. Introductory Lecture in the Form of a Speech Given to an Academic Audience on 3 September 1914]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Illarion_Troitskiy/progress-i-preobrazhenie/ (accessed: 21 October 2021).

17. Florenskiy P. *Stolp i utverzhdienie istiny: opyt pravoslavnoy teoditsei* [The Pillar and Ground of the Truth: An Essay in Orthodox Theodicy]. Moscow, 2003. 640 p. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Pavel_Florenskiy/stolp-i-utverzhdienie-istiny/ (accessed: 21 October 2021).

18. Khoruzhiy S.S. *Sinergiyaya antropologiya: tseli, osnovaniya, rezul'taty* [Synergistic Anthropology: Aims, Foundations, Results]. Available at: https://synergia-isa.ru/wp-content/uploads/2015/07/horuzhy_2015_rgg_u_sa.pdf (accessed: 21 October 2021).

19. Khoruzhiy S.S. *K antropologicheskoy modeli tret'ego tysyacheletiya* [On an Anthropological Model of the Third Millennium]. *Filosofiya nauki i tekhniki*, 2002, vol. 8, no. 1, pp. 108–137. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-antropologicheskoy-modeli-tretiego-tysyacheletiya/viewer> (accessed: 21 October 2021).

20. Bibikhin V. *Drugoe nachalo* [Another Beginning]. Available at: http://bibikhin.ru/drugoe_nachalo (accessed: 21 October 2021).

21. Bogatov M. *Razlichie v ponimanii "Drugogo nachala": Khaydegger i Bibikhin* [Differences in Understanding Another Beginning: Heidegger and Bibikhin]. Available at: http://bibikhin.ru/razlichie_v_ponimanii_drugogo_nachala (accessed: 21 October 2021).

DOI: 10.37482/2687-1505-V136

Ol'ga P. Skidan

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. Smol'nyy Buyan 1, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8844-8322> e-mail: o.skidan@narfu.ru

ANTHROPOLOGICAL ASPECTS OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY: ARTICULATING THE PROBLEM

The general logic of the informatization process, its pace and scale are illustrated here based on the analysis of documented solutions and practices of digital transformation in modern Russia (including the Arkhangelsk Region). Covering the spheres of the economy, social life, and public administration, digital transformation alters the social space, actualizes and shifts the focus to anthropological problems. This paper suggests considering the following questions. What is the place of a person in a rapidly changing world? What can be opposed to the deformation of the existential dimensions of personality? What efforts and in what direction should be made to preserve the human nature (humanity) of a person? What is the role of the state, culture, and religion in solving anthropological problems: what tools do they have to solve them? The analysis shows that time has come to take deliberate steps to find answers and solutions. The traditional humanitarian paradigm defines a person as a standard of truth, paving the way for struggle of interests, politicization of all spheres of activity, and the rule of force. Philosophers have been talking about the limitations of this paradigm throughout the last century, as the established new European approach demonstrates the reality of the “death of the human”. The author suggests turning to the idea of achieving spiritual maturity, transformation, and improvement of a person. This idea rests on the thousand-year-old Russian Orthodox culture. Russian philosophers focused on it for a reason: being based on the values that formed the archetype of Russian people, the idea of internal (and, first of all, moral) transformation of a person has great potential. Today, however, it is poorly understood and rather underestimated. Considering this idea within the framework of the nation state–culture–religion triad and implementing it could be of great benefit, becoming a compensatory mechanism for solving anthropological problems of the digital transformation of society.

Keywords: *digital transformation, management decisions, society, state, culture, personality, anthropological problems of modern society, spiritual transformation of a person.*

Поступила 15.06.2021

Принята 15.10.2021

Received 15 June 2021

Accepted 15 October 2021

For citation: Skidan O.P. Anthropological Aspects of the Digital Transformation of Society: Articulating the Problem. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 5, pp. 105–117. DOI: 10.37482/2687-1505-V136